

В 19
1596

д. Желтовъ.

В Д О В А .

Р А В С К А З Ъ .

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

№ 452.

МОСКВА.

Графія Вильде, Малая Кисловка, собств. домъ.
1911.

В Д О В А

И М Е Е Т

Карт	Иллюстр.	Служебн. №	№ в списке и порядковый	1955 г.
			485	7

627/16—250 тыс.

634.

В Д О В А

„На Бога положиться — не обложиться“
„Стоитъ миръ не чело- вѣчьимъ умомъ, а Божьимъ судомъ“

У дверей Борскаго волостного пра- вленія шумѣла толпа народа, — собира- лась сельская сходка для обсуждения разныхъ мірскихъ дѣлъ. На протяну- тыхъ около наружной стѣны правленія скамьяхъ сидѣли длиннымъ рядомъ ожидавшіе открытія схода крестьяне, а въ сторонкѣ толпились кучками по- позже прибывшіе и толковали о раз- ныхъ своихъ и мірскихъ дѣлахъ. Кто былъ поважнѣе да побогаче изъ бор- скихъ обывателей, то прямо проходилъ

внутри зданія волостного правленія, окидывая свысока глазами шумѣвшую у его дверей толпу. Тамъ за большимъ деревяннымъ столомъ, покрытымъ старой рваной клеенкой, возсѣдалъ самъ волостной старшина съ неизмѣнно вездѣ сопутствующимъ ему волостнымъ писаремъ. Старшина, плечистый, коренастый мужикъ, въ сѣромъ суконномъ полушубкѣ, плотно облегавшемъ его неуклюжую фигуру, важно посматривалъ на входившихъ, подергивая свою небольшую бородку и то и дѣло обращаясь къ писарю съ разными вопросами. Писарь спѣшно заготовлялъ заготовки предстоящихъ приговоровъ и просматривалъ бумаги. Крестьяне сидѣли кто на подоконникахъ, кто на скамьяхъ, а кто такъ просто стоялъ, привалившись къ стѣнкѣ, и, позѣвывая, ожидали открытія схода.

— Эй, Гаврилычъ, сходи-ка узнай, много ли ужъ сошлось—не пора ли и открывать! — обратился старшина къ стоявшему у двери, съ большимъ ба-

тогомъ въ рукахъ и бляхой на груди, сотскому.

Гаврилычъ какъ-то метнулся вдругъ, будто застигнутый врасплохъ, и бросился исполнять приказъ старшины.

Въ другой смежной комнатѣ, за поставленнымъ посрединѣ столомъ, сидѣлъ съ большими очками на носу, завязанными на затылкѣ веревочкой, помощникъ писаря; онъ старательно записывалъ въ особый списокъ фамилии прибывавшихъ на сходъ обывателей, изъ которыхъ не мало приходило на сходъ только за тѣмъ, чтобы „записаться“, а затѣмъ преспокойно уйти домой безъ всякаго желанія обсудить что-либо на сходкѣ. Народу и на дворѣ, и въ сѣняхъ, и внутри правленія ужъ довольно порядочно собралось, но сходъ все-таки нельзя было открывать по случаю того, что по списку не хватало нѣсколькихъ десятковъ голосовъ, нужныхъ для законной полноты схода.

— Тѣловъ! — обратился вдругъ старшина къ сельскому старостѣ, стоявше-

му у печки и отъ бездѣля ковырявшему ногтемъ заплѣсневѣлую штукатурку стѣнъ,—поди-ка припугни на селѣ народъ... живо чтобы шли... объѣдь по улицамъ, да и въ трактиръ загляни!..

Староста поправилъ на груди знакъ и пошелъ, лѣниво переваливаясь, „пугать“ по приказу старшины народъ.

Въ это время къ старшинѣ подошелъ молодой, въ суконномъ полушубкѣ, крестьянинъ, молчаливо сидѣвшій до того на скамьѣ.

— Степанъ Тимоѣевичъ, я вотъ васъ хочу спросить про одно дѣло...— обратился онъ къ старшинѣ.

— Что тебѣ?—вскинулъ на него глазами старшина.

— Да вотъ насчетъ податей... у меня онѣ за весь годъ сполна оплачены...

— Ну?..

— А мнѣ опять повѣстку подали, какую-то недоимку еще требуютъ...

— Такъ и должно, — отвѣтилъ ему старшина, отвалившись на спинку сту-

ла и какъ-то злобно взглянувъ на говорившаго.

— Какъ это—такъ и должно?!—возразилъ крестьянинъ. — Вѣдь я сполна уплатилъ; у меня и земли-то всего два тягла, а недоимки-то требуютъ чуть не за тридцать тягловъ!..

— Такъ гдѣ же мнѣ ее собирать, недоимку-то, когда она за обществомъ накопилась?—отвѣтилъ опять старшина. — Мнѣ дано предписаніе: „собрать!..“ Начальство требуетъ „безотлагательно!..“ По-вашему—мнѣ сидѣть да хлопать глазами, что ли?

— Вотъ оно и выходитъ, чтобы вамъ только себя передъ начальствомъ очистить, а это ничего, что на другихъ, можетъ, не по силамъ платежъ навалишь... Вѣдь обидно: я уплатилъ, а съ меня недоимку по раскладкѣ требуютъ... Староста пріѣхалъ да еще грозитъ: ежели, говоритъ, не заплатишь—постройку на дворѣ ломаемъ, — говорилъ съ обидой крестьянинъ.

— А ты законовъ не читалъ? — спросилъ старшина, наморщивъ брови.

— Гдѣ же намъ законъ читать...

— То-то! — проговорилъ строго старшина и потомъ прибавилъ: — молодозелено, а туда же еще, съ указкой лѣзеть!..

— Такъ вѣдь видать же это и такъ, что зря раскладку сдѣлали, — продолжалъ крестьянинъ. — Я не откажусь наравнѣ съ другими платить, а зачѣмъ же по выбору окладывать, кто вамъ не рука?..

— Какъ это по выбору?! — проговорилъ старшина, оборачиваясь вдругъ къ говорившему. — Я, что ли, раскладку-то велъ?.. Вѣдь на что были выбраны окладчики?!..

— А окладчики-то въ чьей рукѣ, если не въ вашей? — отвѣчалъ крестьянинъ. — Поди, чай, окладчики-то на себя столь не наложили! Выбрали вотъ тѣхъ, на кого вздумалось наложить, чтобы скорѣе деньги собрать, да и ладно...

— А сходи-то на что?..

— Да что сходи, — продолжалъ крестьянинъ, — не диво, что онъ будетъ за вашу руку тянуть... какой хошь приговоръ по вашей указкѣ составлять, — вѣдь больше половины окладомъ-то обошли... имъ-то легко, когда не ихъ обложили...

— Да какъ ты смѣешь мнѣ это говорить! — вскочилъ вдругъ старшина. — Хочешь, я протоколъ сейчасъ на тебя составлю?..

— Что же насъ страшать, — я про дѣло толкую, — проговорилъ крестьянинъ, отступая отъ стола и заминаясь. Въ это время сидѣвшіе до того молча крестьяне вдругъ зашумѣли и заговорили всѣ разомъ.

— Молчать!.. — остановилъ ихъ старшина, опускаясь опять на стулъ. — Не открытъ сходи, а вы разсуждать?!.. Крестьяне затихли.

— Каждый пойдетъ еще указывать! — не унимался старшина, выговаривая слова съ разстановкой, — каждый взду-

масть еще учить!.. Я вотъ покажу, какъ не платить по окладу .. безъ разговору тогда къ исправнику дерну!.. Не мнѣ же спину изъ-за васъ подставлять!.. Не васъ, видно, жарить начальство бумагами, такъ вамъ и ладно?!— не унимался старшина, ерзая на стулѣ и хмуро оглядывая притихшихъ крестьянъ. — Вы думаете, я не по закону дѣйствую, когда приговоръ о раскладкѣ утвердило начальство? А?.. Не по закону, что ли?—спрашивалъ онъ крестьянъ.

Ему никто не отвѣтилъ, и всѣ, насупившись, молчали. Въ это время писарь подсунулъ старшинѣ какую-то бумагу,—тотъ подписалъ.

— У насъ на все есть законъ!—проговорилъ опять старшина, тыкая перомъ въ чернильницу и вскидывая глазами на крестьянъ.

Въ дверяхъ появился староста.

— Ну что, собрались, что ли?—спросилъ его старшина.

— Собрались!.. Семьсотъ ужъ слишкомъ!..

— Ну, за дѣло!.. Выходите на дворъ,— обратился старшина къ сидѣвшимъ.

II.

На дворѣ толпился ужъ народъ, и шли оживленные толки. Въ толпѣ не мало было видно выпившихъ передъ сходомъ для храбрости, а это случилось всегда, когда надо было поддержать на сходѣ чье-либо дѣло. Такое же дѣло было и теперь: надо было рядить новаго сторожа, и вотъ будущій сторожъ и подпоилъ любителей выпивки, чтобы заручиться ихъ голосами. Эти послѣдніе особенно рьяно сновали по толпѣ, перебѣгая отъ кучки къ кучкѣ и подыскивая себѣ товарищей.

— Ты слышалъ? — спрашивалъ одинъ изъ выпившихъ, съ корявымъ лицомъ и рачьими глазами мужикъ, другого, у котораго лохматая рыжая борода торчала въ сторону.

— Что? — остановился и спросилъ рыжебородый.

— Какъ что?.. Сторожа новаго рядить будемъ!..

— Ну у?.. — удивился рыжебородый. — Къ правленью?..

— Къ правленью. Послѣ стараго вдова вѣдь осталась, годъ-то она держала, такъ теперь новый... по старшинѣ попадетъ — онъ за него... Ты, смотри, тyani въ одно, — уговаривалъ мужикъ съ рачьими глазами.

— Бабу оставить?.. Вдову?..

— Ну, вотъ! . На кой чортъ бабу?!.. — недовольно оборвалъ рыжебородаго товарищъ. — А ты слушай: новый-то, почитай, ведро выпоилъ, да и теперь поигъ, да и послѣ сходу общалъ, понялъ?..

— Ну, это дѣло! — обрадовался

вдругъ рыжебородый. — Что дѣло, такъ дѣло... а ты бы такъ и сказалъ... А гдѣ же его отыскать? —

— А ты поди въ ямскую, — онъ въ ямской; онъ тамъ и поднесетъ, — объяснялъ ему товарищъ.

Рыжебородый нырнулъ въ толпу, пробираясь въ „ямскую“, которая стояла тутъ же на дворѣ, а мужикъ съ рачьими глазами присталъ къ другой кучкѣ, гдѣ его товарищъ, тощій, поджарый мужикъ, спорилъ съ молодымъ парнемъ въ дубленкѣ изъ-за того же сторожа.

— Что-о? — началъ поддерживать онъ своего товарища. — Не думаешь ли ты поперекъ намъ итти? — наступалъ онъ на парня, вытягивая впередъ шею. — Мы живо дѣло совершимъ: захотимъ — такъ повернемъ, захотимъ — эдакъ, — крутилъ онъ передъ носомъ парня руками. — Первый разъ, што ли, намъ дѣло вершить?.. —

— А ты говори, а рукавъ воли не давай, — спокойно проговорилъ парень

немного отстраняясь. — Диво въ томъ невелико, что ты дѣло совершишь, а только какое оно? — продолжалъ парень. — Вотъ вы говорите, что бабѣ надо отказать отъ мѣста, а почему?.. У нея дѣло сиротское, ребятишки малъ-мала меньше, куда же она съ ними пойдетъ?.. Тутъ хоть уголь у нея есть, а то и дому для пріюта не будетъ, вотъ что подумай!..

— А, по-твоему, домъ мы ей обязаны дать? — огрызнулся на парня любитель выпивки, мужикъ съ рачьими глазами. — Обязаны, што ли, мы ей домъ дать али нѣтъ? — говори?!..

— Если по дѣлу да по-Божьи разсудить, такъ обязаны, — проговорилъ парень, — по закону обязаны; только вотъ законъ-то этотъ у насъ вотъ гдѣ, — указаль парень себѣ подъ ноги, — топчемъ мы его, законъ-то этотъ!..

— Ишь куда метнулъ — законъ! — проговорилъ рачьи глаза. — А это не законъ, ежели міру убоготвореніе сдѣлать?.. Ты поди скажи ей, чтобы она

насъ почтила!.. А кто понимаетъ, такъ ужъ потчеваль и напередъ посулилъ!.. Вотъ тебѣ и законъ!..

— Ну, вотъ! Вамъ все и далось одно, — проговорилъ парень, — а ты посуди, какъ по-Божьи поступить, а онъ свое..

— Ишь Божій человѣкъ выискался, — продолжалъ рачьи глаза, — заступникъ!.. Думаешь, бабу допустимъ за сторожа?.. Ни въ жисть!.. не ей тутъ служить!..

— Да вѣдь годъ-то прослужила же, какъ мужъ померъ?..

Мужикъ посмотрѣлъ съ минуту своими посоловѣвшими рачьими глазами на парня и потомъ опять наступилъ на него.

— Такъ ты стоишь за нее?.. Разомъ сшибемъ: хотимъ — такъ, хотимъ — эдакъ, — началъ онъ опять крутить кулаками передъ носомъ парня.

— Завсегда съ носомъ останетесь! Первый, первый, что ли, разъ! — под-

держалъ товарища и поджарый мужикъ.

Парень поспѣшилъ отъ нихъ уйти, а вслѣдъ ему послышался смѣхъ.

— Скоты безчувственные, право скоты!.. черти горластые!—говорилъ сердито парень, пробиваясь въ толпу.

— Про кого это ты?.. Что?—спросилъ парня подвернувшійся крестьянинъ въ суконномъ тулупѣ съ поднятымъ воротникомъ, изъ котораго торчалъ большой горбатый, будто клювъ хищной птицы, носъ, а изъ-за него блестяли маленькіе, злые, ястребиные глаза.

— Про горлановъ! Никакого понятія нѣтъ... ни правды, ничего,—сердито проговорилъ парень.

— Это вонъ про тѣхъ?—кивнулъ въ сторону подвыпившихъ мужиковъ хищный носъ.

— Да, про тѣхъ!..

— Ну, я бы съ ними справился,—злбно проговорилъ хищный носъ, сверкая глазами:—я бы взялъ перепороль

ихъ хорошенько... до отвалу... небось бы, въ память взошли!

— Перепороль!—проговорилъ въ отвѣтъ парень, остановившись и взглянувъ на обладателя хищнаго носа.— Вотъ у васъ все одна только пѣсня: „перепороль!..“ Ужъ если перепоротъ, такъ не ихъ сперва надо, а насъ передрать хорошенько!..

— А ихъ по головкѣ гладить!..—съ насмѣшкой проговорилъ хищный носъ, и его глаза еще злѣе засверкали.

— Вотъ то-то и дѣло, что мы все на свое зло надѣмся, а насчетъ общественнаго дѣла и сами ничего дѣлать не хотимъ и другихъ на то не ведемъ,—проговорилъ горячо парень.

— Попытай-ка что-нибудь съ такимъ народомъ сдѣлать!—со злобой проговорилъ хищный носъ.— Дадутъ ли они тебѣ слово сказать?.. Хорошихъ людей только по-собачьи облаютъ, вмѣсто уваженья...

— Хо-о-рошихъ людей!—усмѣхнулся парень.— Коли хорошихъ, такъ и при-

мѣровъ отъ нихъ бы было много хорошихъ, а то хорошихъ-то людей часто считаютъ по карману, по богатству... Вотъ вы всѣ отъ мірскихъ нужныхъ дѣлъ молчкомъ да въ сторону, а какъ затронуть васъ за карманъ—заговорите пуще всѣхъ, а почему? — карманъ только свой отстаиваете!..

— А то грабить себя-то дать?—проговорилъ хищный носъ, прищуривая глаза и сложивъ изъ пальцевъ „кукишь“. Онъ поднесъ его почти къ самому носу парня и злобнымъ, сдавленнымъ голосомъ прибавилъ: — Погоди маненько.

Кругомъ засмѣялись.

— Умиѣ-то ты не сумѣешь сказать!—проговорилъ парень.—Кто тебѣ говорить про твои любезные капиталы?.. Одно у васъ въ мысляхъ: поприжать, нажать да содрать хорошенько съ того, кто денегъ у васъ призаиметь, а на душѣ-то разная мерзость торговая сидитъ; чай, поди, есть тамъ чему другому мѣсто?.. За грошъ-то вотъ лиш-

ній больно стоите, а какъ за общественное дѣло, такъ никого васъ и не сыщешь; чуть что — и я не я—кто въ лѣсъ, кто по дрова; а то гдѣ бы дѣло, а вы грызню межъ собой заведете... тѣфу! плюнулъ парень. — А еще туда же, уваженіе себѣ хотятъ... Какой чортъ вамъ уваженіе окажетъ?!..

Въ толпѣ опять засмѣялись.

— А по-твоему, надо уважать подлецовъ, пьяницъ, горлановъ?—наступилъ опять на парня хищный носъ. — Ихъ надо?.. Они будутъ орать да не платить, а ихъ уважать?!..

— Да ужъ мы-то хороши,—отвѣтилъ парень, покачивая головой, — хороши, нечего сказать: на каждое дѣло машемъ рукой, хоть трава не расти... Какое, скажи, хорошее дѣло сдѣлали въ обществѣ, ну?.. То-то!.. А еще на тѣхъ вздумали пенять!.. За дѣло они и облаютъ когда; сами никакого довѣрія не заслужили, ничего для общества не сдѣлали, каждый только за се-

бя стоять, а на другихъ-то наплевать!..
Вотъ что!..

— На всѣхъ-то не потрафишь—впо-
ру про себя, — проговорилъ хищный
носъ, будто не желая толковать и плот-
нѣе запахиваясь въ тулупъ.

— Вотъ то-то и есть, что у васъ все
одно да одно — что для другихъ-то жить?..
Для себя надо жить... по-христіански,
нечего сказать. А что у насъ въ обще-
ствѣ-то отъ того идетъ?.. Вражда да
вражда, пьянство да распря; тракти-
рамъ только однимъ ходъ даемъ; пей-
те, молъ, православные, лопайте; не-
сите оброкъ кабатчикамъ; никакой под-
держки нѣтъ, одно слово!..

Въ слушавшей толпѣ парня разда-
лись одобрительные голоса, а парень,
разгорячившись, продолжалъ:

— Да чего!.. Жидоморство одно у
насъ развелось только. То на сходъ
нейдутъ, на дѣла смотрѣть не хотятъ,
къ чему хорошему на веревкѣ не под-
тащишь; а то такъ пойдутъ общество
винить, а себя за хорошихъ людей вы-

ставлять; а какъ тронуть чуть за кар-
манъ для общей же пользы, такъ за-
гаддятъ, хоть святыхъ выноси!..

— Погоди, пропоешься... пропоешь-
ся! — перебилъ парня тулупъ, покачи-
вая своимъ носомъ, прищуривъ злые
глаза и прижимаясь щекой къ ворот-
нику, — пропоешься, братъ!.. Ты, мо-
жетъ, заставишь за этихъ остолоповъ-
пьяницъ платить?.. Мы за нихъ бу-
демъ платить, а они будутъ пьянство-
вать?!

— Да ты сдѣлай что-нибудь прежде,
чтобы къ пьянству соблазна не было,
да и говори... Ты, можетъ, больше ихъ
самъ потратишь на пропой—это ниче-
го? Предложи-ка тебѣ; давайте, молъ,
что-нибудь хорошее для общества сдѣ-
лаемъ, такъ и въ сторону. Одно толь-
ко у васъ на умѣ: карманъ свой да
торговья дѣла, а общественныхъ-то не-
достатковъ и не видите!..

— Про-ло-ешься! — покачивалъ опять
носомъ тулупъ: — больно далеко лѣ-

зешь, смотри, какъ бы языкъ не обрѣзали...

— Ничего — не далеко... я говорю правду, — отвѣтилъ парень. — А ты вотъ докажи, если не такъ? Ну, докажи'..

— Пряменько сказать: съ дуракомъ говорить — самъ дуракомъ будешь...

— Отъ такого же и слышу! — отвѣтилъ ему парень. — Гдѣ же тебѣ умнѣе-то выдумать сказать?! — прибавилъ онъ, засмѣявшись.

Засмѣялась опять и толпа.

Въ это время вдругъ подвернулся мужикъ съ рачьими глазами, которые теперь казались еще больше посоловѣвшими.

— Что-о?! — врѣзался онъ между говорившими и, дѣлая натискъ на мужика съ хищнымъ носомъ, который желалъ имъ порки, прибавилъ: — видно, платить не хотимъ?!.. Вотъ - те не хотимъ! — покрутилъ онъ руками.

— Ты самъ-то прежде заплати...

— Заплати!.. Мы васъ... мы васъ...

вотъ какъ! — плюнулъ онъ въ ладонь и растеръ на ней передъ его носомъ.

— Горлопанъ! — проговорилъ тулупъ, пятясь назадъ.

— Чортъ пузатый! — отвѣтилъ ему рачьи глаза.

— Свинья!..

— Образина турецкая! — далъ ему сдачи при общемъ смѣхѣ мужикъ.

Тулупъ постѣшилъ скрыться, за нимъ послышался хохотъ.

— Ат-лли-и-чно! — проговорилъ подвернувшийся рыжебородый мужикъ, обѣщавшійся стоять за новаго сторожа. — Ат-лли-и-чно!.. — покатывался онъ, едва удерживаясь на ногахъ. — Хе-хе-хе! Хотимъ такъ, — хотимъ — эдакъ...

— Филинъ!.. — сказала ему сердито мужикъ съ рачьими глазами. — Али ужъ не утерпѣлъ, чтобы не налопаться до зѣла?!

— Мм... да... хвиль... хиль... — старался что-то выговорить рыжебородый.

— Тюря! — произнесъ съ недовольствомъ, сердито выпячивая глаза на спа-

совашаго рыжебородаго, рьяный товарищъ, — успѣлъ бы нашьяться... чортъ!..

III.

Въ пристроѣ, примыкавшемъ къ волостному правленію и составлявшемъ изъ себя отдѣльное помѣщеніе для сторожа, рядомъ съ входной дверью, на широкой, заставленной разной рухлядью, лавкѣ сидѣла женщина среднихъ лѣтъ, съ испитымъ лицомъ и красными, опухшими отъ слезъ, глазами. На рукахъ она держала маленькую дѣвочку, а рядомъ на полу еще сидѣли, играя, дѣти: двѣ дѣвочки и мальчикъ-подростокъ. Она сидѣла, печально задумавшись, и, кажется, не замѣчала ничего окружающаго; она то и дѣло подносила къ глазамъ конецъ своего

платка и вытирала невольно навертывающіяся слезы. Скоро должна была рѣшиться ея судьба. Послѣ смерти мужа, исполнявшаго должность сторожа при волостномъ правленіи, что составляло единственную опору семьи, она осталась безъ двора и кола, съ кучей ребятишекъ; съ полгода она правила должность мужа и надѣялась на то, что ее оставятъ при мѣстѣ, что ей будетъ кусокъ хлѣба и теплый уголь. А теперь?.. Старшина недавно объявилъ, что на ея мѣсто будетъ нанята другая. „Ну, какъ откажутъ?—пробѣгала въ ея головѣ мучительная мысль.—Откажутъ... откажутъ... — отчаявалась она и чувствовала, какъ къ горлу подступало что-то тяжелое и давило грудь.—Куда же я пойду съ ними, куда я пойду съ своими ребятишками?! Господи, Батюшка, что же мнѣ дѣлать?..“—думала женщина, и слезы капали изъ глазъ ея.

Гдѣ то далеко раздалась пьяная пѣсня, со двора донесся неясный шумъ.

„Неужели же допустить до этого Богъ? Неужели же не заступится?!— думала она, тяжело вздыхая.— Вотъ хоть бы уголь-то былъ, не стала бы держаться; нѣ, молъ, возьмите—отступилась бы; а тутъ куда я.. да кабы одна, а то вѣдь.. она взглянула на дѣтей и опять заплакала.— О.. Господи, Ты мой Батюшка, Го-о-споди!.. Давеча говорятъ: отступись, не настаивай, не иди наперекоръ, все равно не по-твоему выйдетъ. Да что мнѣ сласть, что ли, какая, нужда вѣдь!.. Стала ли бы упрашивать да кланяться; Богъ бы совсѣмъ—отступилась бы, а то вѣдь ребятишки, ребяти-и-шки; ихъ хоть бы пожалѣли, сиротъ-то горькихъ!.. Кому я поперекъ дороги стала? Кому-у?.. Куска хотите лишить, на улицу выгнать?.. Кто заступится? Ну, кто? Охъ, родимый, Ты мой Батюшка, Господи, защити сиротъ, не покинь; не покинь Ты ихъ, родимый мой, заступись!..“

И она заплакала навзрыдъ, упавъ ницъ лицомъ на лавку. Ребятишки пе-

рестали играть и, испуганно уставивъ свои глазенки на мать, жались другъ къ другу, будто понимая материну горе.

Въ эту минуту дверь тихо скрипнула, и въ избу вошелъ приземистый, довольно пожилой, уже съ просѣдью въ волосахъ, крестьянинъ.

— Что же это ты? — спросилъ онъ, остановившись.— Чѣмъ бы дѣйствовать, а ты въ слезы ударилась, э-эхъ!..

— Да гдѣ ужъ мнѣ, — проговорила сквозь слезы женщина:— что же я могу подѣлать—силъ моихъ не хватаетъ.

— А ты погоди крушиться, прибодрись, сейчасъ сходи откроютъ, выходи, проси миръ, — уговаривалъ крестьянинъ:— чай, не у всѣхъ сердца-то каменные, можетъ, и Бога вспомнятъ; дьяволъ тамъ съ тѣми, кто за вино-то душу продаетъ... Христонпродавцы подлые!.. Чай, и люди найдутся,—неужели жъ такъ въ обиду и дадутъ?!..

— На Бога только и надежда-то, — проговорила женщина, утирая глаза.

— Ну, вотъ, то-то и есть,—проговорилъ мужикъ,—тутъ дремать-то нечего, что будетъ, то и будетъ — на все воля Божья, а ты вотъ выдь-ка на сходъ сама да поклоняйся міру, попроси... найдутся вѣдь люди, не дадутъ въ обиду; ужъ я говорилъ кое-кому... Не гляди на то, что новый-то ужъ подполить успѣлъ, да и отъ правленья за него рука...

— Не надѣюсь я, Богъ съ ними!.. — заплакала опять женщина.

— Э-эхъ, а ты полно: не все бываетъ, что на неправую руку дѣло погнетъ,—ободривалъ мужикъ,—а ты, говорю, выходи да попытайся; ужъ мы-то поддержимъ, не бойся, а тамъ увидишь; я и еще кое-кому поговорю... Выходи-ка, выходи; смотри, прямо на сходъ выходи!.. — настаивалъ мужикъ и съ этими словами вышелъ, направившись прямо въ суетившуюся уже на правленскомъ дворѣ толпу, въ ожиданіи открытія схода.

IV.

— На дворъ, на дворъ идите,—суетился староста,—всѣ на дворъ!

Густая толпа народа какъ будто встрепенулась и ожила; всѣ спѣшили занять мѣсто поближе къ серединѣ, гдѣ стояло небольшое возвышеніе для старшины.

— Становитесь, ребята, въ круговую! Вотъ такъ, стой!..—говорили нѣкоторые.

Старшины еще не было. Толпа нетерпѣливо посматривала на правленское крыльцо. Но вотъ показался важно шествующій старшина въ сопровожденіи прочихъ членовъ правленія.

Толпа разступилась и пропустила ихъ въ самую середину круга и затѣмъ сомкнулась плотнымъ кольцомъ и затихла.

— Ну, къ дѣлу! — раздался голосъ старшины. — Такъ какъ на сходѣ явилось законное число голосовъ, то я объявляю сходъ открытымъ! — проговорилъ торжественно старшина и надѣлъ на себя цѣпь. — А теперь прослушайте, какъ по закону должно держаться порядка на сходѣ! — добавилъ старшина.

Писарь прочиталъ бумагу, въ которой говорилось, какъ должно было обсуждать мірскія дѣла.

Исполнивъ эту обязанность, старшина прямо перешелъ къ дѣлу.

— Ну, что первое? — обратился онъ къ писарю.

— Смѣта.

— Ну, ладно, читай. Вотъ, мірскіе люди, — обратился старшина къ сходу, — смѣту прослушайте; на новый годъ расходы... Читай!

Писарь началъ читать смѣту расходовъ. Толпа безмолвствовала.

Смѣта была составлена по примѣру прошлаго года; жалованье старшинѣ и членамъ волостного правленія, а также расходы на разныя общественныя потребности, на поправку мостовъ и дорогъ стояли безъ измѣненія.

— Ну, какъ? — обратился старшина къ сходу.

— Согла-а-сны!..

— Сократить бы надо! — раздались голоса.

— По-старому! Ладно!..

— Всѣ ли согласны? — спросилъ старшина.

— Всѣ! — грянулъ сходъ.

— Сократить бы! — раздались жиденькіе голоса.

— Согла-а-сны!.. — загремѣло опять.

— Пиши — согласны, — обратился къ писарю старшина. — Ну, вотъ еще заявленіе есть, — началъ опять старшина.

— Заявленіе учителя о прибавкѣ жалованья, — объяснилъ писарь.

— Не на-а-до! .
— Выслушать! Стой! Читать!
Заявление прочитали.
— Уба а-вить надо, — закричали гор-
ланы, — уба-а-вить!
— Мало-о! Прибавить надо! закри-
чали въ одномъ углу.
— Приб-а-вить! — гремѣли въ другомъ.
— Не нна-а-до! Не нна-а-а-до!.. —
орали сильнѣе ближе.
— Такъ не согласны? — спросилъ стар-
шина.
— Согла-а-сны!..
— Не согла-а-сны! — прогремѣло око-
ло старшины.
— Пиши — не согласны, — обратился
къ писарю старшина.
— Зачѣ-мъ!.. Согласны!.. — начали
опять отстаивать изъ дальнихъ рядовъ.
— Нѣ-ѣ-тъ!..
— Дѣли схо-дъ, сходъ дѣли-и!..
— Не согла-а-сны! — опять громых-
нуло ближе.
— Ну, вотъ... теперь другое. Чи-
тай, — приказалъ старшина.

— А какъ тамъ записать? — спро-
лъ писарь.
— Не согласны — и кончено.
— Предложеніе о поправкѣ обще-
веннаго дома, — продолжалъ писарь. —
икъ какъ по волѣ Божьей обще-
венный домъ, гдѣ помѣщались преж-
больница и аптека, вотъ уже мно-
лѣтъ стоитъ закрытымъ, отъ чего
входитъ въ ветхость и никакого до-
да не приноситъ, то волостной стар-
ина предлагаетъ обществу отпустить
а поправку его нужную сумму, по-
гѣ чего домъ этотъ можно подо что-
нибудь сдать, и онъ будетъ приносить
ходъ..
— Какъ вы? — спросилъ старшина. —
о-моему, домъ бы поправить надо,
ѣмъ ему пустовать.
— Поправить? А денегъ-то гдѣ возъ-
ешь?..
— Знаемъ мы эти поправки, — разда-
ось изъ толпы: — у старшины лѣсу мно-
о, надо куда-нибудь его продавать...
ыдумщики..
Вдова

- Сломать его—и шабашь!
— Чего сломать? Поправить надо!..
— Такъ согласны поправить-то?—
подхватилъ старшина, пропуская мимо
ушей пущенныя ему въ укоръ слова.
— Согла-а-сны!..
— Нѣ-ѣ-тъ, что согласны?.. Кто со-
гласенъ?.. Деньги-то, небось, опять съ
насъ же будутъ брать, опять по-ста-
рому выйдетъ раскладка.
— Изъ дохода взять, изъ дохода!..
— По тягла-а-мъ!.. — раздалось гдѣ-
то въ заднихъ рядахъ.
— Раскла-а-дка!.. — гаркнулъ кто-то
въ углу.
— Оставить такъ!..
— Осмотрѣть его прежде, до друго-
го схода!
— Такъ согласны на поправку?.. Все
равно я ужъ похлопочу, — настаивалъ
старшина.
— Согла-а-сны!..
— Строителей выбрать надо, строи-
телей!..—кричали въ рядахъ.

- Зачѣмъ строителей — поручить
старшинѣ... старшинѣ поручить!..
— Пиши — согласны, — поспѣшилъ
старшина, подталкивая писаря.
— Прошеніе трактирщика Чурилки-
на о томъ, чтобы ему дозволено было
выстроить новый трактиръ на базар-
ной площади!—возглашалъ писарь.
— Дозволя-я-емъ!.. Строй!..—заора-
ли вдругъ въ правой сторонѣ.
— Стойте, дайте выслушать!..—раз-
дались голоса слѣва.
— Чурилкинъ обѣщаетъ заплатить
обществу сто рублей, если дозволено
будетъ построить трактиръ, — продол-
жалъ писарь,—а если общество поже-
лаетъ послѣ пяти лѣтъ, чтобы трак-
тиръ былъ снесенъ, то онъ обязуется
стройку убрать!..
— Чево тутъ!.. Ладно!.. Пусть стро-
ить!..
— Не надо!—начали возглашать нѣ-
которые: и такъ много трактировъ-то!
По толпѣ пошелъ шумъ.

Старшина стоялъ и что-то толковалъ съ писаремъ.

Въ это время къ старшинѣ пробрался самъ Чурилкинъ и, скинувъ картузь, что-то началъ объяснять. Чурилкинъ имѣлъ хорошую поддержку со стороны своей партіи, которая любила выпивку, и былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

— Ну, такъ что?—обратился къ сходу старшина.

— Не надо!..—проговорили одни, но ихъ сразу перешибли.

— Согла-а-сны!..

— Такъ всё согласны? — повторилъ старшина.

— Погодите, выслушайте! — начали кричать изъ заднихъ рядовъ.

— Чего слушать, согла-а-сны! — заглушили ихъ опять голоса.

— Не надо допускать! — раздалось опять въ рядахъ. — За тысячу рублей ежели...

— Чего тысячу, жирно!.. Не наа-до!.. Довольно ихъ!..

— Согла-а-сны! — грянуло опять вблизи старшины.

— Ну и ладно, пиши,—рѣшилъ старшина.

— Погоди, чего пиши? Эдакъ не нужно, приговоръ не примемъ!..—закричали нѣкоторые, стараясь подвигнуться поближе.

Чурилкинъ позеленѣлъ.

— Что вамъ еще?—спросилъ строго старшина.—Отъ дохода отказаться хотите, что ли?

— Не надо, чево тутъ, не надо — и шабашъ!—стояли на своемъ одни.

— Допустить, пусть строить!—кричали другіе.

— Ну, вотъ допустить, такъ чево тутъ. Согласны допустить?—спросилъ старшина.

— Согла-а-сны!..

— Не на-а-до!..

— Согла-а-сны!..

Старшина не сталъ больше допрашивать и поспѣшилъ помѣтить: „согласны“.

— Мы жалобу подадимъ,—такъ нельзя!—кричали недовольные.

— Ну, еще что?—спрашивалъ писаря старшина, не обращая на голоса вниманія.

— Еще?... Еще вотъ теперь сторожъ... Ахъ, да, вотъ еще прошеніе,—прочитать, что ли?

— Это о чемъ?

— Недоимку просить одинъ сложить... больной.

— Ну, читай,—приказалъ старшина.

— Крестьянинъ Савеловъ просить сходить, чтобы недоимку съ него сложили по случаю болѣзни,—читалъ писарь,—работникъ онъ одинъ, да и то хворый, а семейство большое...

— Что жъ?.. Это Савеловъ-то?—раздались въ толпѣ голоса.—Сложить съ него—когда такъ... Известно, сложить, когда хворый... со всякимъ случится.

— Такъ сложить?—спрашивалъ старшина.

— Сложить!.. Зачѣмъ же обижать его,—отвѣтили изъ толпы.

— Ну, вотъ теперь сторожа новаго

рядить надо еще,—началъ старшина;—охотникъ на это мѣсто есть, а то послѣ стараго-то баба служила, а оно ей несподручно—дѣло не бабье...

— Такъ что же, пусть и служить она, не бѣда!—раздался изъ толпы голосъ.

— А вы погодите, прослушайте,—перебилъ строго старшина:—по правленью дѣловъ много, бабѣ со всѣмъ не управиться. Не только сторожить надо, а и отопленье, и свѣтъ, и бумагу, и другое прочее что тоже на сторожѣ у насъ лежитъ...

— И сургучъ, и карандаши, и чернила, и перья...—добавилъ писарь.

— Да, и сургучъ, и карандаши, и чернила, и перья; тоже онъ покупку ведетъ, а баба-то къ этому несподручна,—продолжалъ старшина.

— Все нехватка, да худо, да плохо покупаешь,—подсказалъ писарь.

— Да, все нехватка, да худо, да плохо покупаешь,—объяснилъ и стар-

шина.—Такъ я вотъ и подыскалъ для того надежнаго человѣка... Архипа-то Кузьмина, небось, знаете?.. Такъ вотъ онъ радъ бы на мѣсто поступить и уступку бы сдѣлалъ; тотъ-то у насъ на все 350 получалъ, а этотъ за три сотенныхъ согласится. Такъ его, что ль, порѣшить?..

По толпѣ будто сразу пахнуло вѣтромъ и зашумѣло какъ въ бурю. Посреди шума слышны были только отдѣльныя слова и возгласы:

— Не надо!

— Почему не надо?

— Бабу не надо!

— А ты, смотри, не погрѣши: передъ Богомъ отвѣтишь!..

— Старога оставить, по-старому!..

Что!.. Ребятишекъ куча, вотъ что!..

— Архипу сдать! Архипу, Степанъ Тимоѣичъ, Архипу!.. Чего тутъ, записывай Архипа!..—кричала, заглушая всѣхъ, пьяная артель.

Старшина ужъ хотѣлъ—было отмѣтить, прислушиваясь къ крику артели, но въ это время къ возвышенью, гдѣ стоялъ старшина, пробрался тотъ самый крестьянинъ, который уговаривалъ бабу вытти на сходъ и просить миръ.

— Погодите, братцы, не кричите, — обратился онъ къ сходу, приступивъ на ступеньку, чтобы стать виднѣе:— такъ дѣла нельзя обсуждать. Что зря кричать?!.. Надо прежде разсудить хорошенько, не какое дѣло дѣлается, а о живомъ человѣкѣ; не долго намъ вскричать, а надо подумать, что человѣка обидѣть можно... Что мы безчувственные, что ли?! Что вдова-то не сумѣетъ, что ли, все дѣло исправить? Вы, чай, и сами съ крестомъ; у ней куча ребятъ, ни кола, ни двора — куда она дѣнется, что вы бѣднаго человѣка въ обиду даете...

Толпа притихла.

— Чай, и по-Божьи надо подумать,— продолжалъ онъ.

— Такъ-то такъ, кто про то будетъ говорить,—соглашались изъ толпы:— да вишь не ладно, когда баба не можетъ дѣловъ исправлять. Что же тогда?

— Не бабѣ дѣло!—отозвался на эти слова, кивая головой, старшина.

— Недостатки все: чего надо—нѣтъ, а за нее отвѣчай,—сказалъ и писарь.

— Ну вотъ, — подхватила опять артель,—записывай Архипа, чего тутъ!..

— Такъ согласны? — спросилъ старшина.

— Согла-а-сны!..

— Погодите, что согласны? Архипа, что ли, согласны?—раздалось опять въ толпѣ.

— Не надо!

— По-старому оставить!

— Архипу-у!.. Архипу сдать!..—орала пьяная артель.

По толпѣ опять пошелъ гулъ, такъ что нѣсколько времени рѣшительно ничего нельзя было разобрать. Старшина

опять-было хотѣлъ окончить, уловивъ мощный крикъ артели, и записать Архипа, какъ вдругъ среди этой бури спора и крика пронесся жалобный, за душу хватающій стонъ:

— Правосла-а-вные, не поки-и-ньте, пожалѣйте, родимые, у меня сироты въдѣ, куда я дѣнусь, дайте уголокъ-то хоть, возрастить хоть бы ихъ!..

По толпѣ будто что хлестнуло, и она разомъ стихла, а по смолкшимъ рядамъ будто пробѣжала дрожь.

Въ это время на возвышеніе къ старшинѣ пробралась женщина, держа на рукахъ ребенка; за ней, ухватившись, протискались другія дѣтишки.

— Пожалѣйте, ради Христа, малышей-то!..—упала она на колѣни, протягивая къ толпѣ ребенка на рукахъ.

Съ минуту она ничего не могла сказать отъ душившихъ ее слезъ, потомъ лицо ея отъ сдерживаемыхъ рыданій перекосилось, и она, прижавъ ребенка къ себѣ, съ вырвавшимся изъ груди плачемъ продолжала:

— Для нихъ только о себѣ про-шу-у .. Бога молить буду за то, не гоните, ради Христа, меня; про службу-то мужнину помните, по-о-мните, родимые, ради Христа-а!..—и она повалилась въ ноги.

Всѣ потупились; даже и тѣ, которые общали Архипу поддержку, смотрѣли теперь въ землю; одинъ только рьяный съ рачьими глазами хотѣлъ что-то крикнуть, да поперхнулся.

Толпа безмолвствовала.

Старшина что-то нелѣпо крутилъ руками и нетерпѣливо дергалъ у себя на шеѣ цѣпь.

А женщина лежала на полу, и въ ея судорожномъ плачѣ вырывались слова жалобной просьбы. Стоявшіе рядомъ ребятишки тоже плакали, утирая кулачками глаза.

— Оставить ее, чего тутъ,—начали сыпаться тихіе переговоры въ толпѣ.

— Знамо, не звѣри, коли такъ,—соглашались противники.

— Записывай ее!—раздался одинокій робкій голосъ изъ толпы.

— Записывай!..—присообщились къ голосу еще.

— Записывай!.. — прогремѣло еще дружиѣ.

И потомъ, будто облегченный вздохъ, вырвался у толпы общій единомушный возгласъ:

— Записывай ее!.. Согла-а-сны!..

— Такъ какъ же, согласны? — спрашивалъ старшина.

— Ее записывай, пусть служить; чай, не забыли еще мы про Бога-то!..

— Да жалованье-то какъ? Вѣдь уступка... — началъ-было старшина, но его сразу перебили:

— По-старому, пиши по-старому; какъ было, такъ и оставь, — не убавляй, пусть ребятъ растить!..

— Спасибо, православные, дай вамъ Богъ...—проговорила, вставая и кланяясь сходу, женщина и не могла докончить отъ приступившихъ опять слезъ.

— Ну, вотъ, — про Бога-то вспомнишь, али зло сотворишь?.. Иди, знай, тетка, да живи... — говорили недавніе „супротивники“.

— Вотъ оно что значить — Богъ! — проговорилъ, вздыхая, стоящій впереди крестьянинъ, заступившійся за женщину, утирая украдкой глаза.

— Ну, что, все? — спрашивалъ старшина писаря.

— Все.

— Сходъ закрыть!.. — провозгласилъ старшина, снимая съ себя цѣпь

Толпа начала расходиться. Всѣ шли въ какомъ-то радостномъ и мирномъ настроеніи. Одинъ только Архипъ укорялъ своихъ приверженцевъ за напрасно „слопанное“ вино и за ихъ измѣну.

— Убирайся ты къ бѣсу!.. — накинулся на него одинъ. — Тутъ Божье дѣло, а онъ вино!.. Чай, и мы тоже по людски чувствовать можемъ!..

„Прогорѣвшій“ Архипъ только плюнулъ и отошелъ.

— Вотъ она, планида-то!.. — проговорилъ въ раздумьи одинъ крестьянинъ.

Ему никто не отвѣтилъ: каждый понималъ своимъ сердцемъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Такъ и осталась баба при Борскомъ правленьи за сторожа.

К О Н Е Ц Ъ .

119
XII

ИЗДАТЕЛЬСТВА:

«Посредник», «Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь» и «Взаимная помощь».

В 1885 г. по 1910 год издано свыше 1200 книг (цѣною отъ 3/4 к до 3 руб.), распадающихся на слѣдующіе отдѣлы:

гдѣль общедоступныхъ изданій «Посредника».

Очерки, рассказы, повѣсти, романы. Сказки. Сборники стихотвореній. Пѣсенники. Произведенія для народнаго театра. Книжки для дѣтей младшаго возраста. Земельный вопросъ. Житія и ученія святыхъ. Религіозные вопросы. Жизнь и ученіе мудрецовъ. Очерки религіозныхъ движеній въ Россіи и на Западѣ. Историческіе рассказы и жизнеописанія. Описание разныхъ земель и народовъ. Природовѣдѣніе. Гигіена, лѣченіе и уходъ за больными. Половой вопросъ. О пьянствѣ и куреніи.

Общій отдѣль изданій «Посредника».

Очерки, рассказы, повѣсти, романы. Стихотворенія. Драматическія произведенія. Біографія. Исторія. Философія. Религія. Исторія религіозныхъ движеній въ Россіи и на Западѣ. Очерки искусства. Рабочій и земельный вопросъ. Реформа общественнаго строя. Вегетарианство. Половой вопросъ. Гигіена, лѣченіе лѣзаней. Алкоголизмъ.

Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь».

Крестьянская жизнь и ея улучшеніе. Общее улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Полеводство, садоводство и огородничество. Котоводство, птицеводство и скотовѣдѣніе. Травосѣяніе. Пчеловодство. Производства, промыслы и ремесла. Лѣченіе болѣзней, распространенныхъ въ деревняхъ, и береженіе здоровья.

«Взаимная помощь».

Книги по устройству потребительскихъ обществъ, производственныхъ артелей, кредитныхъ товариществъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, общинъ и вообще разныхъ видовъ кооперацій и т. п.

Книги вышеозначенныхъ издательствъ продаются въ книжномъ магазинѣ «Посредникъ» (Москва, Петровскія линіи), во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ книжныхъ складахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада издательствъ по адресу: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. ГОРБУНОВУ.

Отсюда же высылается по требованію бесплатно подробный каталогъ издательствъ.

Мин
1888

РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ,

ИЗДАННЫЕ „ПОСРЕДНИКОМЪ“.

ЖЕЛТОВЪ, О. Вдова. Разсказъ.

— Предъ людьми. Разсказъ. Ц. 1 к.

КОЗЫРЕВЪ, Шола. Разсказъ. Ц. 1 к.

ЖУРАВОВЪ, Злая невѣстка. Разск. Ц. 1½ к.

ЗЛАТОВРАТСКИЙ, Н. Бѣлый старичень. Изъ народныхъ разсказовъ. Ц. 1½ к., лучш. изд. 3 к.

— **Деревенскій король.** Разсказъ. Ц. 3 к., лучш. изд. 5 к.

— **Искра Божія. АМФИТЕАТРОВЪ, А. Разбойникъ Федька.** Разсказы. Ц. 3 к.

ЗУДЕРМАНЪ, Г. Сильная руна и золотое сердце. Романъ. Излож. съ нѣмец. Ц. 18 к.

ИСУПОВЪ, Черный быкъ. Разсказъ. Ц. 1½ к., лучш. изд. 4 к.

КОЛОМБО, Бѣдная невѣста, или въ рисовыхъ поляхъ. Повѣсть. Перев. съ итальянскаго. Ц. 15 к.

КОММЕНСЪ, Безпрютная въ тепломъ гнѣздынкѣ. Повѣсть. Перев. съ англійск. Е. Б. Ц. 7 к.

Всѣ эти книги продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи), во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ книжныхъ складахъ.

Выписывать изъ главнаго склада издательствъ по адресу Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. ГОРБУНОВУ.

Отсюда же высылаются по требованію бесплатно подробный каталогъ издательствъ.